

Р. Г. Жамсаранова

ЗАГАДКИ ГОРОДИЩ – ТАРАС(ОВ) ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО КОЧЕВЫХ КОНФЕДЕРАЦИЙ СЕВЕРНОЙ АЗИИ¹

Исследуется вопрос о наличии глубинного, а потому неизученного уральского адстрата в историографии кочевой конфедерации эпохи определенного ареала – Восточного Забайкалья. Также освещены малоизученные вопросы, спектр которых обширен, связанные с результатами региональной археологии и региональной исторической ономастики. В связи с целями внесения ясности в вопросы культурогенеза и этногенеза бурят на примере осмысления смежных наук предприняты попытки разрешения ряда задач. Во-первых, описана этимология ойконимов, топооснова которых связана с дагурским языком. Названия поселений (ойконимы) иллюстрируют даурский исторический период истории Восточного Забайкалья. Во-вторых, предпринимается попытка связать неясные стороны региональных исследований на примере археологических культур с исторической ономастикой. Топонимы, обнаруживающие по своему возможному значению связь древнемонгольских племен с весьма отдаленным периодом, иллюстрируют наличие укрепленных городищ – *тарас(ов)*. В-третьих, ставится задача первичного комплексного осмысления наличия адстратно-субстратных элементов определенной зоны как ареала диахронного урало-алтайского языкового союза в результате контактирования разноэтничных элементов. Стратиграфия топонимического субстрата и адстрата позволяет заявить о присутствии помимо обско-угорского субстрата и более глубинного адстрата, обнаруживающего связь с уралоязычными племенами Тартарии. Представлено комплексное описание результатов региональной (в том числе и прибайкальской) археологии и региональной ономастики, позволяющее определить научную ценность постановку вопроса об этноязыковом происхождении эпохи древнемонгольских племен – так называемых «белых татар». Неизвестные «белые татары», входившие в кочевые конфедерации, являются, возможно, теми загадочными насельниками Северной Азии, от которых осталась практика возведения укрепленных городищ-*кар(ов)* и *тарас(ов)*, как и дворцовых комплексов Кондуйского дворца.

Ключевые слова: укрепленные городища – тарас(ы), Кондуйский дворец, дагурский язык, бурхотуйская, дарасунская археологические культуры, топонимы, Восточное Забайкалье, Тартария, белые татары

В отечественной историографии принято считать, что кочевые цивилизации, как правило, оставляют после своего исчезновения во времени мало или же даже никаких следов по сравнению с оседлыми цивилизациями. Обусловлена данная позиция, интенционально заложенная в научных статьях исторического характера, восприятием кочевого образа жизни, не предполагающего каких-либо построек в виде каменных зданий, укрепленных сооружений, а также неких письменных памятников. С. В. Данилов пишет о существовании на территории Центральной Азии длительных периодов оседлости: «Часть поселений, судя по остаткам монументальных сооружений, размерам застроенной площади, выполняла, по-видимому, функции городов» [1, с. 22], что свидетельствует об оседлости какой-то части населения.

В качестве примера своей позиции отметим археологически значимые артефакты кочевых цивилизаций, обнаруженные на территории Восточного Забайкалья, которые позволяют предполагать о бытовании в эпохи кочевых империй градостроительного искусства. В Борзинском районе Забайкальского края расположен памятник археологии республиканского значения (Постановление СМ РСФСР № 1327 от 30.8.1960) – Кондуйское городище наряду с некогда возведенным сооружением – Кондуйским дворцом. Располагается в 10 км от с. Кондуй, в долине между рр. Кондуй и Барун-Кондуй – притоками р. Урулюнгуй (бассейн р. Аргунь), относится постройка к XIV в. и соотносится с монгольскими феодалами как резиденция.

По поводу возможного значения топонима «Кондуй» мы считаем возможным сопоставление с апеллятивом дагурского (одного из монгольских языков) – дагурского *гундэн* 'дворец;

¹ Статья выполнена в рамках и при финансовой поддержке гранта РНФ № 24-28-20067 «Нарративы исторической Даурии как содержательный компонент туристического кластера Забайкальского края».

дворцовый зал; дворцы и залы (палаты)’ [2, с. 46]. Кондуйское городище (дворец) датируют как постройку XIV в. [3]. Данное сооружение в виде дворцовой постройки возвышалось на 2-метровой платформе, имевшей два уровня террас, имевших опорные гранитные плиты. Из гранита были изготовлены и обнаруженные (в количестве 31) изваяния драконов, украшающие балюстрады нижней террасы дворца. «Углы террасы украшали изваяния другого типа – в виде передней части драконо-черепаховидного чудовища, покрытого пластинками панциря. С разных сторон к дворцу вели выстланные кирпичом пандусы, состоявшие из двух маршей. Дворец представлял собой здание крестообразной формы и состоял из трех залов общей площадью около 500 кв. м. Внутри залов с интервалом в 2,5 м располагались базы с колоннами, обернутые материей и покрытые красным лаком. Стены дворца украшали фрески. Сложная по конструкции крыша дворца была покрыта черепицей. Для расцветки наиболее значимых мест использовалась поливная черепица большей частью зеленого, реже желтого и красного цветов. Коньки кровель по обеим сторонам были украшены головами драконов с крыльями. По углам кровлю украшали человеческие фигуры в буддийском одеянии, фениксы и химеры [4]. Часть архитектурной коллекции хранится в Забайкальском университете, в краеведческом музее им. Кузнецова в Чите.

Известно, что часть кирпича, гранитных оснований, изваяния главного Кондуйского дворца в 1806 г. была использована для построек православной церкви Святых мучеников Кирика и Улиты и при сооружении Цугольского буддийского дацана [5].

Не вдаваясь в подробное описание Кондуйского дворца как архитектурного памятника эпохи монголов [6], предпринятая попытка описания кочевой империи монголов как особой формы цивилизации связана с описанием фортификационных сооружений эпохи кочевников-монголов.

Так, известный исследователь древнемонгольских городищ А. Р. Артемьев в [7, с. 140–147] упоминает непонятное название укрепленных сооружений во времена эпохи завоевания русскими служилыми людьми территории бывшего «Никанского царства» – «тарасов»: «Подводя итоги, можно сказать, что оборонное зодчество в Забайкалье и Приамурье вобрало в себя лучшие традиции градостроительного искусства Европейской России. Однако там одновременно возводили как укрепления уже отживших в Европе типов, так и наиболее совершенных для того времени. По мере освоения этого обширного края во второй половине XVII в. служилые люди строили, в зависимости от преследуемых целей и исходя из своих возможностей, наиболее простые и экономичные укрепленные пункты – ясачные зимовья или остроги. Некоторые остроги в дальнейшем получили укрепления в виде «городен» или т а р а с о в (разрядка – *наша*) и стали именоваться в приказной документации “городами”. Дерево-земляные крепости и бастионы возводились в этот период только там, где возникала угроза столкновения с войсками маньчжурского Китая, вооруженными пушками» [7, с. 145]. Автор указывает на невозможность доставки в силу отдаленности, отсутствия дорог на эти территории каких-либо специальных строительных материалов, вооружения в виде тех же пушек с европейской части России в те времена – начале XVII в., что и обусловило возведение острогов или «городен» или «тарасов».

Эти типы сооружений А. Р. Артемьев соотносит с укреплениями, которые с «XVI столетия становятся основным типом оборонительных укреплений на Руси. <...> Стены этих крепостей имели конструкцию в виде «городен» или «тарасов». Первые состояли из прямоугольных деревянных срубов, которые ставили вплотную друг к другу и заполняли землей с камнями. Конструкция вторых представляла собой две параллельные стены, соединенные перемычками, пространство между которыми также засыпалось землей» [7, с. 140]. Уже к XVIII в. «крепостные сооружения в Забайкалье продолжали возводить скорее по инерции, чем ввиду реальной опасности чьего бы то ни было нападения. Термины “город” и “острог” с конца XVII в. приобретают социальное и административное значение, о чем свидетельствует получение Кабан-

ском не позднее 1692 г., Читинском – в 1711, а Сретенском – в 1714 г. статусов “острогов” без строительства вокруг них каких бы то ни было укреплений. Поэтому все возведенные в XVIII в. оборонительные сооружения в Забайкалье имеют нейтральное название “крепость” [7, с. 145]. А. Р. Артемьев сопоставляет искусство этих сооружений в виде тарасов с «лучшими традициями градостроительного искусства Европейской России» [7, с. 145].

Наше внимание сфокусировано на именовании этих «городков» как тарасы. Тарасы как дерево-земляные крепости, возводимые на приграничных с Китаем землях, могут быть объяснимы из региональных языков. Полагаем, что загадочное тарас(ы) это испорченное торс как название поселения с дагурского. В дагурском языке имеется лексема торс ‘деревня, селение, село’ [2, с. 159], от которой, полагаем, и образован ряд региональных ойконимов: ДАРАСУН (поселок), ДАРАСУН – железнодорожная станция, а также здравница КУРОРТ ДАРАСУН.

Ойконимы дагурского происхождения, т. е. те названия поселений, значения которых адекватно объяснимы именно из дагурского языка, функционально значимы и по сей день. Ороним ДАРАСУН (падь), гидронимы Дарасукан, р. – пр. р. Дарасун, Дарасун, р. – пр. р. Ингода как отойконимные гидронимы. Данный тезис подтверждается не только «первичностью» ойконима, что свидетельствует об относительной «древности» человеческого поселения на месте современного поселения Дарасун в ономаσιологическом отношении, но и материальными археологическими раскопками.

Забайкальскими археологами в свое время был открыт и последовательно исследован целый Дарасунский археологический комплекс: «Археологические памятники в районе ст. Дарасун Читинской области представляют собой комплекс разновременных и разнотипных памятников, датируемых от начальной стадии позднего палеолита до Средневековья. Эти памятники далеко не равнозначны по своим информативным возможностям и степени изученности» [8, с. 79]. Выделение отдельного комплекса дарасунской археологической культуры можно принять как доказательство наличия человеческого поселения на этой территории, так и того, что именно эта территория поселения Дарасун была исторически обитаемой как средневековое поселение-городище. Результаты раскопок дарасунской археологической культуры обнаружили близость одних памятников по характеру погребений к культуре времен древних хунну, других памятников – к эпохе Уйгурского каганата (вторая половина VIII – первая половина IX в. н. э.) [8, с. 78]. Также некоторые археологические артефакты обусловили предположения археологов о вероятности связать их с теми племенами, которые относятся к ‘диким да-да’ ‘татар(ам)’ или Лесным народам, которую археолог И. И. Кириллов связывает с байырки VII–IX вв. н. э. [8, с. 70–71].

Некоторые исследователи народность дагур/даур связывают с племенами да-да, или татань [9], по-другому – татар(ами). По поводу загадочных татар в связи с изучением конфедерации татаро-монголов Е. Р. Нестерова пишет, что «в эпоху Сун татарами называли все некитайское население центрально-азиатских степей, независимо от этнической принадлежности», ссылаясь на работу Л. Л. Викторовой [10, с. 29]. Заметим, что Л. Л. Викторова относил «белых» татар к земледельцам, «черных» – к скотоводам-кочевникам, «диких татар» – к охотникам, подразделяя их по виду хозяйственно-культурного быта [10, с. 29]. И данная территория, где обитали татары, называлась Тартаром, или Тартарией, в XIII в.

Оседлое население – «белые татары», по-видимому, и населяло эти самые «даурские городки». Очевидно, что ближе к XVII–XVIII вв. появилось другое понятие – «историческая Даурия», вводимое в научный оборот в связи с упоминанием понятия «в Дауры» в Отписках русских казаков Пояркова, Пашкова, Хабарова и др. с описанием этих самых «городков».

Территориально ареал дауриязычного населения охватывает, по всей видимости, не только исследуемую территорию Забайкальского края, но и регионы гораздо западнее, включая и территорию Республики Бурятия, как «Селенгинскую Даурию». Тогда как «Нерчинская Даурия» ареально – это Восточное Забайкалье. При этом под Нерчинской Даурией понималась

территория не только Забайкалья, Маньчжурии и северо-западных районов Монголии и Китая, а также и Приморье, включая бассейн р. Амур вплоть до р. Сунгари.

Ранее и в целом эта «Даурская земля» «Отписок» Петра Бекетова как земли за Байкалом, получившая название земли Даурской по именованию народности «дауры» («в Дауры» «Отписок») [11, с. 67], или Даурия.

Известно, что по языковой принадлежности дауры или дагуры – это один из монголоязычных народов. Народность дагур(ы) проживает только в северо-западном Китае, что не исключает гипотезы о дагурском субстрате в этногенезе коренного населения и Забайкальского края равно как и прилегающей части Монголии. Отсутствие той или иной этнической группы в пределах приграничных территорий, как например, Восточное Забайкалье, не означает однозначного исчезновения народности или народа. Происходит закономерная ассимиляция, «растворение» некогда многочисленного народа (или даже этноса) в среде соседних, более сильных, на тот или иной исторический момент [12, с. 50–57]. В этнологии наблюдается и такое явление, как «возникновение» новой народности, иногда родственной соседнему народу по языку, своей культуре, самосознанию.

Этнологи Н. Н. Чебоксаров и И. А. Чебоксарова справедливо отмечают, что некогда могущественное этническое сообщество могло «перейти» на другой язык, утратив свой язык, а вместе с ним и этническое самосознание. И как следствие, подобного рода исторические этноязыковые «смещения» являются предпосылкой появления и последующего формирования новых этносов: «В первые века н. э. гунны, оттесненные китайцами от границ их государства, начинают продвижение на запад, увлекая с собой другие тюркские племена и постепенно ассимилируя степные ираноязычные народы» [12, с. 57], имея в виду скифов и сарматов начала тысячелетия истории континентальной Евразии. Изучение исторической антропологии хори-бурят также подвело к этому выводу, когда выявилось огромное число личных мужских имен, к примеру, кето- и самоедоязычного языкового происхождения в бурятском (казалось бы) именнике за 1830–1831 гг. [13]. По-другому любая народность образуется на этнической основе «прежних» народов или племен, оставивших в истории свой «след» в виде этнонимов или личных имен, доказывающих их бывшее присутствие в этно- и лингвогенезе.

Возвращаясь к цели данной статьи, мы должны попутно отметить, что монголоязычные топонимы в топонимии Восточного Забайкалья представлены широко и повсеместно, имея четко очерченные границы своего распространения [14, с. 29–30]. Внутри этого топонимического пласта, помимо других, имеются и дагурские топонимы. К примеру, ойконим ТАРСКАЯ как название небольшого железнодорожного разъезда, расположенного на Транссибе, название пади ТАРСКАЯ в окрестностях села Адриановка, которые, возможно, образованы от дагурского *торс* ‘деревня, селение, село’. Также это ороним ТАРАСАХА, п. (окр. с. Арбагар) Нерчинского района, ороним в окрестностях села Байгул Чернышевского района – ТАРСКАЯ, п. (окр. с. Байгул).

Некоторые топонимы с основой *торс* ‘деревня, селение, село’ именуют уже исчезнувшие или ныне уже нежилые поселения. Так, к примеру, урочище ТАРАСОВО (окр. д. (исчез.) Средняя) в Нерчинско-Заводском районе. В Александрово-Заводском районе как наиболее отдаленном от краевого центра районе зафиксирован ороним ТОРСАЛА, к юго-востоку от д. Кутугай, значение которого, возможно, сопряжено с дагурским апеллятивом *торс* ‘деревня, селение, село’.

Ряд топонимов, естественно, подвергся переосмыслению, а потому «приобрел» следующую форму, близкую к апеллятивной базе русского языка: ТАРАСИХА, п. (окр. д. Чирон) в Шилкинском районе, лимноним ТАРАЦИН, оз. (к югу от с. Чиндант-2) в Борзинском районе и ороним ТАРАСОВСКАЯ РОССЫПЬ, ур. в Агинском районе Агинского Бурятского округа (АБО) Забайкальского края, ороним ДАРХИТУЙ, п. (к северо-западу от с. Южный Аргалей), как и ДАРХИТУЙ-АГИНСКАЯ, г. (к северу от с. Цокто-Хангил), лимноним ДОРГОТУЙ,

оз. (окр. д. Кункур) объяснимы, возможно, от даурского торс ‘деревня, селение, село’. Заметим, что ойконимы «исчезают» чаще, так как исчезают поселения, однако топонимы другого класса – оронимы, лимнонимы, гидронимы, как правило, фиксируют и бывшее наличие ойконимов. Топонимы АБО Дархитуй, Дархитуй-Агинская и Дорготуй в своем морфологическом «облике» обнаруживают фонологические изменения под влиянием бурятского языка. Так, наблюдается историческое чередование звуков с || h и озвончение инициального дагурского т- в д-.

Описание Нерчинской Даурии в ономастическом аспекте – это описание определенной территории. На наш взгляд, это прежде всего административные районы Карымский, Шилкинский, Нерчинский, Сретенский, Чернышевский, Могочинский, Нерчинско-Заводский, Александрово-Заводский, включая и другие территории Забайкальского края как АБО.

Топонимические данные являются достаточно верифицированной базой для, во-первых, построения топонимических изоглосс, по которым, например, возможно «отследить» как наличие дагурских городищ – *торс(ов)*, так и выстроить древние логистические или по-другому транспортные пути передвижения населения в весьма отдаленные времена вопреки мнению об отсутствии таковых некоторых исследователей в эпоху монголов и их предшественников.

Данная изоглосса распространения дагурских городков или городищ-*торс(ов)* может быть обнаружена на сопредельных с Забайкальем территориях – Амурской области и китайской Маньчжурии. М. П. Алексеев пишет, что даурские поселения встречались у устья реки Умлекана – левого притока р. Зея до устья р. Зея, вверх по Амуру, по Аргуни и Шилке и в другую сторону, вниз по Амуру, почти до устья Буреи. Этих даурских городков, согласно донесениям Пояркова, было немало, некоторые из них имели значительное население в 500–1000 человек, как например, Гогударов городок. Из-за набегов русских казаков на эти городки часть жителей была истреблена, часть переселилась на территорию Маньчжурии, на берега р. Нонни. Можно также предположить о том, что практика возведения подобного рода городищ была известна кочевым конфедерациям монголов, чжурчженей и других, известных в китайской историографии. К примеру, ранее мы уже описывали Никанское царство, или государство никанов Гоу-Го [15, с. 42–51], а потому так называемый «Гогударов городок» это и есть дагурский городок. Поярков как проводник колонизационной политики Российской империи в XVI–XVII вв. упоминал Гогударов городок как поселение, имеющее, по-видимому, признаки укрепленной крепости, считая важным упоминание именно городищ, но не поселений.

В собрании сочинений иностранцев-путешественников, изданном в свое время М. П. Алексеевым, мы читаем комментарий к записи А. Доббина о некоей «реке Даурской», по течению которой можно видеть еще многие, построенные ими (даурами – Р. Ж.) города, живут дауры (Döuren)» [16, с. 31]. М. П. Алексеев приводит слова Л. Шренка о даурах: «Насколько мне известно, это название впервые встречается в печати на карте Витсена от 1687 г., где верхне-амурский край обозначен надписью Даурия» [17, с. 163]. Сам Витсен, по мнению И. Г. Куренной [18, с. 36], «в предисловии первого издания своей книги «Noord en Oost Tartarye» использовал только чертеж Годунова», тогда как М. П. Алексеев отмечает о вероятности использования Витсеном обширной информации, полученной главным образом из разного рода рассказов, известий и карт, чертежей русских. Это обусловлено употреблением Витсеном разных вариантов именовании дагуров/дауров: «даурианы, даоры [Daurianen, Daori, Dauri], а также даурцы, доурский, даверский народ [Dautzy, Doursky, Daversky Narod,]», которые, по мнению М. П. Алексеева, обнаруживают русское написание. Упоминает даоров (дауров, даорцев, даурцев) и Исбрандт Идес в 1693 г. по данной территории в Китай по Нерчинской Даурии. В отписках русских казаков, в частности в донесении Максима Перфильева о том, что, следуя в 1639 и 1640 гг. «вверх по Витиму и притоку его Ципиру (Ципе – Р. Ж.), узнал от тамошних тунгусов, что по верхнему Витиму, начиная с впадения в него реки Карги до озера Еравны, равно как и по Шилке до ее устья (т. е. по верхнему Амуру до Сунгари), живет народ дауры». Четыре года спустя, во время похода Пояркова на Амур, произошла первая

встреча с даурами на реке Зее [12]. М. П. Алексеев комментирует записи А. Доббина о «реке Даурской, которая некогда принадлежала португальцам (?) и где можно видеть еще многие, построенные ими города, живут дауры (Döuren)», т. е. о «даурских городках» известно было ранее.

Историческая Даурия осталась в историографии как населенная территория со своими «городками», которые, вероятно, и являются теми древнемонгольскими городищами, описанными в свое время историками и археологами – С. В. Киселевым, А. П. Окладниковым, Г. П. Сосновским, А. В. Давыдовой, Н. Н. Крадиным, П. Б. Коноваловым и др., имеющими и другое именование как *тарас(ы)* согласно работам А. Р. Артемьева.

Известны мнения ученых-историков об условиях формирования бурятской народности, определившейся в отдельный народ только с XVII в., когда этногенетические корни связаны с историей далеких предков современных этносов Сибири и Северной Азии в целом. Так, в «...в I тыс. н.э. – до сер. II тыс. н.э., когда в своеобразном этническом котле происходила “переплавка” тюркоязычных, монголоязычных и тунгусо-маньчжурских народов» [8, с. 82] и заложились основы и монгольских народов, в частности и дауров.

Памятники бурхотуйской культуры обладали своеобразными чертами и резко отличались от других погребений Восточного Забайкалья. А. П. Окладников считал, что они занимают промежуточное место между памятниками гуннского и тюркского времени (II–VIII вв. н. э.). В погребениях по Онону и Шилке, датируемых приблизительно периодом с VII по VIII в. н. э., костяки ориентированы в основном на запад, имеются берестяные домовины, керамика, сходная с керамикой Приамурья и Дальнего Востока. Отсутствие в них обязательных для позднего времени костей домашних животных, предметов быта и хозяйства в захоронениях позволили сделать А. П. Окладникову вывод о «преобладающей роли земледелия и рыболовства у населения, оставившего памятники “бурхотуйского (ононского) типа”» [19, 20].

Археолог А. Д. Цыбиктаров считает, что «бурхотуйская, дарасунская, раннемонгольская и ундугунская культуры (как восточно-забайкальские археологические памятники)» являются археологическими свидетельствами древних этнокультурных процессов. Согласно его мнению, эти свидетельства аккумулировали в себе результаты «многовековых контактов разноэтнических групп населения и в общих чертах позволили проследить основные вехи этнической истории края в эпоху Средневековья» [21, с. 253].

На этом понимании сложных этногенетических и исторических процессов естественно связать вопросы происхождения племен исторической Даурии, в частности тех же дагуров/дауров с древними шивэй, кидань, ранними монголами, а также, по мнению Г. Н. Румянцева, с сяньби, прародиной которых определяют Циркумбайкалье. Объективным представляется мнение Л. Б. Бадмаевой, считающей, что в прошлом дагурский язык был связан с некой циркумбайкальской языковой общностью народов, включающих в свой состав языки алтайской языковой семьи [22, с. 49–61]. В лексике дагурского языка отмечено наличие параллелей с киданьским, баргутским, эхэритским, а также с солонским языком как одним из тунгусо-маньчжурских языков.

В свою очередь полученные результаты описания стратиграфии субстратной топонимии Восточного Забайкалья позволяют полагать, что племена Дахань или Дамо (по Н. В. Кюннеру) могли быть, на наш взгляд, предками забайкальских дахуров/дагуров/дауров. Во всяком случае, это предположение возможно на основании условного морфемного «совпадения» этнонима дагур/даур с этнонимным дахань китайских источников. Известна связь исходного *tha-tha* (ср. да-да-нь или татар) китайских источников, под которыми возможно понимать некое общество эпохи Лесных народов монгольской ойкумены, именуемых в разного рода источниках татар(ами). Добавим, что в работах забайкальских археологов артефакты, например, бурхотуйской археологической культуры «связываются [ими] с племенами отуз-татар (по руническим надписям) или шивэй (по китайским хроникам)». К подобного рода погребениям,

аналогичным бурхотуйской и по времени, и по культурным фактам, археологи Забайкалья относят и находки так называемой дарасунской культуры, датируемые VI–IX вв. н. э., т. е. периодом активных контактов и с уйгурами, и с соседним Китаем [8, с. 72–74]. Мы можем только предположить, что так называемый Дахань, как и та-та, по своему этногенезу имеет право быть связанным и с периодом древнеуйгурского каганата VI в., от которого, полагаем, «остался» ойконим Чита, трактуемый в свое время археологом Л. Р. Кызласовым от уйгурского апеллятива *чыт* «жилище» [23, с. 170–177]. Иногда под уйгурскими *чыт*(ами) стараются понимать и укрепленные поселения-крепости, что вполне естественно для тех времен, не исключая и поздние крепости-тарас(ы) эпохи XVII–XIX вв. Даурии.

Любопытно связать с дагурским термином *торс* ‘деревня, селение, село’ и значение такого ойконима, как Дырестуй (улус в Джидинском районе Республики Бурятия (РБ)) [24, с. 86]. Авторы словаря «Географические названия Республики Бурятия» поясняют значение ойконима от бур. *диал.* дэрс «ковыль блестящий» + топоформант -тэй, т. е. «с чем-то», фактически повторяя версию В. Ф. Балабанова по значению ойконима Дарасун [25, с. 31].

Предлагаемая версия дагурского происхождения топонимов, значение которых означает по-даурски «поселение», в топонимии Восточного Забайкалья обусловлена историческими фактами наличия подобных городищ. О знаменитой Дырестуйской археологической культуре, которую принято идентифицировать с периодом хунну, известно по раскопкам Ю. Д. Талько-Гринцевича, ссыльного профессора кафедры физической антропологии Ягеллонского университета, занимавшегося в сибирской ссылке (1892 г. по 1908 г.) вопросами археологии условной «Селенгинской Даурии», и одного из инициаторов создания Кяхтинского краеведческого музея Республики Бурятия.

Археологическая стоянка Дырестуйский Култук, расположенная на левом берегу реки Джиды, в крутой излучине, в 10 км юго-западнее села Дырестуй (РБ), на пологом склоне, обращенном к северо-востоку, любопытна наличием каменных кладок, рядом с которыми часто располагались захоронения без надмогильных сооружений, которые образовывали с курганом единый погребальный комплекс. Под каменными кладками в деревянных гробах или срубках, перекрытых сверху поперечными и продольными досками, находились костяки на спине с вытянутыми конечностями, головой на север. Открыт в 1900 г. Ю. Д. Талько-Гринцевичем, который раскопал 24 сюннских (хуннских) захоронения непосредственно на площади могильника и еще два погребения более позднего времени – на склоне небольшого ущелья в 2,5 км юго-восточнее курганов сюнну [26, 27].

Прибайкальскими археологами (П. Б. Коноваловым, С. С. Миняевым и др. в период с 1965 г. по 1984–1996 гг.) были раскопаны могилы периода сюнну, обнаружены предметы материальной культуры эпохи сюнну (хунну), которые хранятся в Кяхтинском краеведческом музее им. В. А. Обручева, ИМБиТ СО РАН, Музее БНЦ СО РАН Республики Бурятия.

В этом аспекте мы получаем возможность связать ойконимы ДАРАСУН, ТАРСКАЯ и ДЫРЕСТУЙ (РБ) единым языковым началом, а именно от даурского (дагурского) *торс* ‘деревня, селение, село’, «удревняя» тем самым и сами поселения. Человеку свойственно селиться на одних и тех же местах, издревле обжитых предками по причине удобства проживания.

В языковом отношении полагаем также возможным связать дагурский апеллятив *торс* ‘деревня, селение, село’ с саамским апеллятивом *tors* в структуре топонима *Tors/javrash* ‘озерко’ [28, с. 102]. Г. М. Керт отмечает наличие только двух единиц топонимов, где вторым детерминантом является саамское *javrash* ‘озерко’, тогда как первый детерминант отмечен автором как апеллятив с неясной семантикой [28, с. 119]. Также в данной монографии упомянут топоним *Kört/oaiv* [28, с. 90], где вторая топооснова *oaiv* – это саам, ‘вершина’, где первый детерминант «попал» в список апеллятивов с неясной семантикой [28, с. 118]. Тогда как *Kört* саамского топонима весьма схож с бесермянским апеллятивом *кар*- «городище», от которого также образован ряд ойконимов Восточного Забайкалья, относимых к финно-угорскому

адстрату. Г. М. Керт пишет о том, что словосложение является наиболее продуктивным способом образования саамских топонимов [28, с. 50]. Отметим, что подобная модель образования топонимов, особенно микротопонимов, наблюдается и в бурятской топонимии.

В монографии «Саамская топонимная лексика» приводится *tierkk* ‘крутой’ [28, с. 123], значение которого синкретично непонятному по своему происхождению дагурскому *торс* ‘деревня, селение, село’, если иметь в виду человеческие постройки на высоком мысу или обрывистом высоком берегу подобно бесермянским *кар*-ам. Примечательно, что расположение почти всех восточно-забайкальских ойконимов на *торс* ‘деревня, селение, село’ подразумевает их обустройство именно на таких возвышенных местах, а также вдающихся в реку мысах. Также следует добавить такой любопытный факт, как материальное «совпадение» апеллятивов селькупского языка (кетского диалекта) *қара* III/об.Ч, кет./ *~қарра~қырра* /кет./ 1. большая деревня 2. город [29, с. 73], позволяющее сопоставить данный временной отрезок эпохи ранних монголов с бесермянским *кар* как именованием укрепленных городищ, располагавшихся на высоких, а потому и недоступных мысах крупных рек.

Поэтому топонимы Восточного Забайкалья, в частности ойконимы, по своему происхождению обнаруживают уралоязычное происхождение, допуская наличие глубинного финно-угорского адстрата в топонимии региона [30, с. 179–190]. По-видимому, эти ойконимы следует связать и глубоким саамским адстратом, так как автор саамской топонимики Г. М. Керт пишет: «Уже стало истиной, что протосаамы сформировались где-то на востоке (разрядка – *наша*), ссылаясь на мнение эстонского лингвиста Э. Эрнитса, писавшего об общих лексемах в саамском и тунгусо-маньчжурских языках» [28, с. 78]. В свою очередь мы предполагаем, что этноним *саам* близок к этнониму *самоед*, экзониму *хамниган* как экзогруппы в среде хори-бурят [31, с. 87–96], имеющих, на наш взгляд, одно и то же начало, обусловленное одной и той же культурой возведения укрепленных городищ-крепостей. Другими словами, можно говорить о своеобразной преемственности культуры возведения городищ как крепостей, типичных для средневековой этнической Монголии. Однако оказалось при этом, что языковое начало именований данных городищ может быть соотнесено с какими-то языками, связанными началом с диахронным урало-алтайским языковым союзом, когда разноэтничные (и разноязыкие) апеллятивы послужили основой для именований подобных укреплений и оставшихся в виде субстратных ойконимов Восточного Забайкалья.

Таким образом, синкретизм имеющихся археологических результатов с ономастическими определенного ареала способен пролить свет на некоторые темные страницы истории Циркумбайкалья как ойкумены кочевых конфедераций. В перспективе выявляются горизонты сопряжения ряда гуманитарных наук, освещающих не только культуро-, этно- и лингвогенез народов данной территории, но и конкретные вопросы истории городищ-крепостей, снимая тем самым вековую пелену загадочности кочевых конфедераций Северной Азии.

Список источников:

1. Данилов С. В. Города в кочевых обществах Центральной Азии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. 202 с.
2. Краткий дагурско-русский словарь / сост. Г. Тумурдэй, Б. Д. Цыбенков. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. 236 с.
3. Агинский национальный музей им. Г. Цыбикова. URL: <https://agamuzey.ru/novosti/kondujskij-dvoretz-tajna-drevnej-zemli/> (дата обращения: 20.12.2023 г.).
4. Энциклопедия Забайкалья. URL: <http://ez.chita.ru/encycl/concepts/?id=4916> © Энциклопедия Забайкалья (дата обращения: 20.12.2023 г.).
5. Энциклопедия Забайкалья. URL: <http://encycl.chita.ru/encycl/person/?id=4916> © Энциклопедия Забайкалья (дата обращения: 20.12.2023 г.).
6. Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 25.12.2023 г.).

7. Артемьев А. Р. Строительство городов и острогов Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII – XVIII веке и типы оборонительных сооружений // Отечественная история. № 5. 1998. С. 140–147.
8. Кириллов И. И. Дарасунский комплекс археологических памятников. Восточное Забайкалье. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. 176 с.
9. Цыбенков Б. Д. К изучению этнонима «Даур» // Археология и этнография. Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2012. № 1 (5). С. 140–149.
10. Нестерова Е. Р. Некоторые размышления о связи понятий «монголы» и «татары» в мировой историографии // Человеческий капитал, 2019, № 6 (126). С. 25–32.
11. Балабанов В. Ф. История земли Даурской. Чита: Эффект, 2003. 400 с.
12. Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы. Расы. Культуры / отв. ред. Ю. В. Бромлей. М.: «Наука», 1985. 271 с.
13. Жамсаранова Р. Г. Словарь исторической антропоники хори-бурят / науч. ред. Р. Г. Жамсаранова, В. И. Алтаева, З. Д. Бардаханова. Чебоксары: Среда, 2022. 332 с.
14. Жамсаранова Р. Г. Монголоязычная топонимика // Забайкалья: Культура: в 2 ч. / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2009. Ч. 2: М–Я. С. 29–30.
15. Жамсаранова Р. Г. Онимы Нелюдский острог (Нерчинский острог), Никанское царство и государство Гоу-Го в аспекте цивилизационных процессов Северной Азии // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2014. № 2 (4). С. 42–51.
16. Алексеев М. П. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. Т. I, ч. II. Иркутск: Восточно-сиб. краевое изд-во ОГИЗа, 1936. С. 31.
17. Шренк Л. Об инородцах Амурского края. СПб, 1863. Т. 1. С. 163, 195–196.
18. Куренная И. Г. Загадка Николая Витсена. К истории картографии Восточного Забайкалья и его столицы. Чита, 2007. 58 с.
19. Окладников А. П. Бурхотуйская культура железного века в Юго-Западном Забайкалье // Труды БКНИИ. 1960. Вып. 3. С. 16–30.
20. Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В. Кочевники Забайкалья в эпоху Средневековья. Новосибирск, 1984. С. 116.
21. Цыбиктаров А. Д. Бурятия в древности. История (с древнейших времен до XVII века). Улан-Удэ, 2001. 2-е изд. 266 с.
22. Цыбенков Б. Д. Об этногенезе дагуров: историографические проблемы // Монголоведные исследования: сб. ст. Улан-Удэ: Бурят. книж. изд-во, 2007. Вып. 5. С. 49–61.
23. Кызласов Л. Р. Ранние монголы (к проблеме истоков средневековой культуры) // Сибирь, Центральная и восточная Азия в средние века (история и культура востока Азии). Том III. Новосибирск, 1975. С. 170–177.
24. Географические названия Республики Бурятия: топонимический словарь / сост. И. А. Дамбуев, Ю. Ф. Манжуева, А. В. Ринчинова. Улан-Удэ: Издательско-полиграф. комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2006. 241 с.
25. Балабанов В. Ф. В дебрях названий. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1977. 77 с.
26. Талько-Гринцевич Ю. Д. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья // Археологические памятники сунну. Вып. 4. СПб: Фонд «АзиатИКА». 1999. 124 с.
27. Достояние планеты. URL: <https://dostoyanieplaneti.ru/2609-dyrestujskij-kultuk> (дата обращения 15.02.2024 г.).
28. Керт Г. М. Саамская топонимная лексика. Петрозаводск: РИО Карельского научного центра РАН, 2009. 179 с.
29. Селькупско-русский диалектный словарь / под ред. проф. В. В. Быконя. Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. 348 с.
30. Жамсаранова Р. Г. Финно-угорский адстрат в топонимии Восточного Забайкалья // Fenno-Ugrica 3: Проблемы ареологии и ономотологии, компаративистики и контрастивной лингвистики: труды научно-исслед. лаборатории фундаментальных исследований по финно-угроведению. Вып. VII, посвящ. 80-летию д-ра филол. наук, проф. Лаврентьева Гурия Ивановича. Марийский гос. ун-т; сост. и науч. ред. А. Н. Куклин. Йошкар-Ола, 2016. С. 179–190.
31. Жамсаранова Р. Г. Экзонимно-этнонимные названия *самоед* и *хамниган* // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. Вып. № 3(21). Томск, 2018. С. 87–96.

Жамсаранова Раиса Гандыбаловна.

Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры китайского языка ЗабГУ.

Забайкальский университет.

ул. Александрово-Заводская, 30, Чита, 672039.

E-mail: rebeca_zab@mail.ru

Материал поступил в редакцию 30 января 2024 г.

THE SECRETS OF THE TARAS SETTLEMENTS OF THE HISTORICAL PAST OF THE NOMADIC CONFEDERATIONS OF NORTH ASIA

The article aims to raise the question of the existence of a deep and, therefore, unexplored Uralic Adstratum in the historiography of the nomadic confederation of the epoch of a certain area – Eastern Transbaikalia. The article is devoted to little-studied topics, the range of which is very wide, as they are related to the results of regional archeology and regional historical onomastics. In connection with the aim of clarifying the issues of cultural genesis and ethnogenesis of the Buryats by providing an example of understanding related sciences, the article attempts to solve a number of problems. First, the article describes the etymology of oikonyms, the topological basis of which is connected with the Dagur language. The names of the settlements (oikonyms) illustrate the Daurian historical period of Eastern Transbaikalia. Secondly, the article attempts to connect the unclear aspects of regional studies with historical onomastics using the example of archeological cultures. Toponyms, which in their possible meaning reveal a connection between the ancient Mongolian tribes and a very distant period, illustrate the presence of fortified settlements – *taras*'. Thirdly, this article aims to comprehensively understand the presence of adstrate-substrate elements of a particular zone as an area of the diachronic Ural-Altai language union due to the contact of different ethnic elements. The stratigraphy of the toponymic substrate and adstratum makes it possible to declare the presence, in addition to the Ob-Ugric substrate, of a deeper adstratum that reveals a connection with the Ural-speaking tribes of Tartaria. The article contains a comprehensive description of the results of regional archeology (including Lake Baikal) and regional onomastics, which makes it possible to assess the scientific value of the question of the ethnolinguistic origin of the era of the ancient Mongolian tribes of the so-called White Tatars. The unknown White Tatars, who belonged to nomadic confederations, are perhaps those mysterious inhabitants of North Asia, from whom the practice of building fortified settlements – *Kars* and *Taras* – as well as palace complexes – the Konduisky Palace – has been preserved

Keywords: *fortified settlements – Taras, Kondui Palace, Dagur language, Burkhotuy, Darasun archeological cultures, toponyms, Eastern Transbaikalia, Tartary, White Tatars*

References:

1. Danilov S. V. *Goroda v kochevykh obshchestvakh Central'noy Azii* [Cities in the nomadic communities of Central Asia]. Ulan-Ude: BNC SO RAN Publ., 2004. 202 p. (in Russian).
2. *Kratkiy dagursko-russkiy slovar'* [Dagurski-Russian dictionary in short] / G. Tumurdey, B. D. Cybenov (eds). Ulan-Ude: BNC SO RAN Publ., 2014. 236 p. (in Russian).
3. *Aginskiy natsional'niy muzey im. G. Tsybikova* [Aginsky National Museum named after. G. Tsybikov]. URL: <https://agamuzey.ru/novosti/kondujskiy-dvorets-tajna-drevnej-zemli/> (accessed: 20.12.2023).
4. *Entsiklopediya Zabaykal'ya* [Encyclopedia of Transbaikalia]. URL: <http://ez.chita.ru/encycl/concepts/?id=4916> © Энциклопедия Забайкалья. (accessed: 20.12.2023).
5. *Entsiklopediya Zabaykal'ya* [Encyclopedia of Transbaikalia]. URL: <http://encycl.chita.ru/encycl/person/?id=4916> © Энциклопедия Забайкалья (accessed: 20.12.2023).
6. *Wikipedia*. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (accessed: 25.12.2023).
7. Artem'ev A. R. Stroitel'stvo gorodov i ostrogov Zabaykal'ya i Priamur'ya vo vtoroy polovine XVII–XVIII veke i tipy obo-ronitel'nykh sooruzheniy [The fortresses of Zabaikal'e and Priamury'a in the second part of XVII–XVIII centuries and the types of defensive constructions]. *Otechestvennaya istoriya – National history*, 1998, no. 5, pp. 140–147 (in Russian).
8. Kirillov I. I., Kovychev E. V., Kirillov O. I. *Darasunskiy kompleks arheologicheskikh pamyatnikov. Vostochnoe Zab-aykal'e* [The Darasun archeological complex of Eastern Zabaykal'e]. Novosibirsk: In-t arkheologii i yetnografii SO RAN Publ., 2000. 176 p. (in Russian).
9. Cybenov B. D. K izucheniyu etnonima «Daur» [To the question of the investigation of ethnonym Daur]. *Arkheologiya i yetnografiya. Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk – Archeology and ethnography. Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*, 2012, no. 1 (5), pp. 140–149 (in Russian).
10. Nesterova E. R. Nekotorye razmyshleniya o svyazi ponyatij «mongoly» i «tatory» v mirovoj istoriografii [Some conclu-sions about the correlation of Mongol and Tatar in the world's history]. *Chelovecheskiy kapital – Human Capital*, 2019, no. 6 (126), pp. 25–32 (in Russian).
11. Balabanov V. F. *Istoriya zemli Daurskoy* [The history of the Daurski territory]. Chita: Effekt Publ., 2003. 400 p. (in Russian).

12. Cheboksarov N. N., Cheboksarova I. A. *Narody. Rasy. Kul'tury* [People. Races. Culture]. Moscow: Nauka Publ, 1985. 271 p. (in Russian).
13. Zhamsaranova R. G., Altaeva V. I., Bardahanova Z. D. *Slovar' istoricheskoy antroponimii hori-buryat* [Dictionary of the historical anthroponimy of the Kori-Buryat]. Cheboksary: Sreda Publ. 332 p. (in Russian).
14. Zhamsaranova R. G. Mongoloyazychnaya toponimika [Toponymic names of Mongol linguistic origin]. In: Geniatulin R. F. (ed.) *Zabaykal'ya: Kul'tura* [Zabaykal'ya: Culture]. Novosibirsk: Nauka Publ., 2009. Ch. 2. pp. 29–30 (in Russian).
15. Zhamsaranova R. G. Onimy Nelyudskiy ostrog (Nerchinskij ostrog), Nikanskoe carstvo i gosudarstvo Gou-Go v aspekthe civilizatsionnykh processov Severnoy Azii [the onym Nelyudsky Ostrog (Nerchinsky ostrog), Nikan tsarstvo and Chinese Gou-Go in the aspects of civilization processes on the territory of Northern Asia]. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2014, no. 2 (4), pp. 42–51 (in Russian).
16. Alekseev M. P. *Sibir' v izvestiyakh inostrannykh puteshestvennikov i pisateley* [Siberia in the stories of foreign travelers and authors]. Irkutsk: Vostochnosib. kraevoe izd-vo OGI, 1936. Vol. 1, ch. 2, pp. 31 (in Russian).
17. Shrenk L. *Ob inorodcah Amurskogo kraya* [About the natives of Amur region]. Saint Petersburg, 1863. Vol. 1, pp. 163, 195–196 (in Russian).
18. Kurenaya I. G. *Zagadka Nikolaya Vitsena. K istorii kartografii Vostochnogo Zabaykal'ya i ego stolicy* [Nikolay Vitsen's secret. To the history of the cartography of the Eastern Zabaykal'e and it's capital]. Chita, 2007. 58 p. (in Russian).
19. Okladnikov A. P. Burhotuyskaya kul'tura zheleznogo veka v Yugo-Zapadnom Zabaykal'e [Burkhotuy culture of iron ages in South-Western Zabaykal'e]. *Trydy BKNII – Proceedings of the BCRI*, 1960, no. 3, pp. 16–30 (in Russian).
20. Aseev I. V., Kirillov I. I., Kovychev E. V. *Kochevniki Zabaykal'ya v epohu Srednevekov'ya* [The nomads of Zabaikal'e of the Middle centuries]. Novosibirsk, 1984. Pp. 116 (in Russian).
21. Cybiktarov A. D. *Buryatiya v drevnosti. Istoriya (s drevneyshikh vremen do XVII veka)* [Buryatia and ancient history till XVII century]. Ulan-Ude, 2001. 266 p. (in Russian).
22. Cybenov B. D. Ob etnogeneze dagurov: istoriograficheskie problemy [About the historiography of the ethnogenetic problem of Dagurs]. In: *Mongolovednye issledovaniya*. Ulan-Ude: Buryat. Publ., 2007. Vol. 5, pp. 49–61 (in Russian).
23. Kyzlasov L. R. Rannie mongoly (k probleme istokov srednevekovoy kul'tury) [Early Mongols (to the problem of the sources of the Middle-Aged history and culture)]. In: *Sibir', Central'naya i vostochnaya Aziya v srednie veka (istoriya i kul'tura vostoka Azii)* [Siberia, Central and Eastern Asia in the Middle Ages (history and culture of East Asia)]. Vol. 3. Novosibirsk, 1975. Pp. 170–177 (in Russian).
24. Dambuev I. A., Manzhueva Yu. F., Rinchinova A. V. *Geograficheskie nazvaniya Respubliki Buryatiya: toponimicheskii slovar'* [Geographical names of Buryatia: toponimy dictionary]. Ulan-Ude: FGOU VPO VSGAKI Publ., 2006. 241 p. (in Russian).
25. Balabanov V. F. *V debryakh nazvaniy* [In the jungles of the names]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izd-vo, 1977. 77 p. (in Russian).
26. Tal'ko-Grincevich Yu. D. Materialy k paleoetnologii Zabaykal'ya [Materials to the paleo-history of Zabaykal'e]. In: *Arheologicheskie pamyatniki syunnu* [Archaeological sites of the Xiongnu]. Saint Petersburg: AziatKA Publ., 1999. Vol. 4. 124 p. (in Russian).
27. *Property of the Planet*. URL: <https://dostoyanieplaneti.ru/2609-dyrestujskij-kultuk> (accessed: 15.02. 2024).
28. Kert G. M. *Saamskaya toponimnaya leksika* [Saam toponymic lexica]. Petrozavodsk: RIO Karel'skogo nauchnogo centra RAN Publ., 2009. 179 p. (in Russian).
29. Bykonya V. V. (ed.) *Sel'kupsko-russkii dialektniy slovar'* [Sel'kup-Russian dialect Dictionary]. Tomsk: TGPU Publ., 2005. 348 p. (in Russian).
30. Zhamsaranova R. G. Finno-ugorskiy adstrat v toponimii Vostochnogo Zabajkal'ya [Finno-Ugric toponymic adstrata of the Eastern Zabaikal'e]. *Fenno-Ugrica 3: Problemy areologii i onomatologii, komparativistiki i kontrastivnoy lingvistiki: trudy nauchno-issled. laboratorii fundamental'nykh issledovaniy po finno-ugrovedeniyu* [Fenno-Ugrica 3: Problems of areology and onomatology, comparative studies and contrastive linguistics: scientific research works. laboratory of fundamental research in Finno-Ugric studies]. Yoshkar-Ola: Mariysky gos. un-t Publ., 2016. Vol. 7, pp. 179–190 (in Russian).
31. Zhamsaranova R. G. Ekzonimno-etnonimnyye nazvaniya samoyed i khamnigan [Onyms Khamnigan and Samoyed as Alloethnonym and Ethnonym]. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2018, no. 3(21), pp. 87–96 (in Russian).

Raisa G. Zhamsaranova.

Doctor of Philology, Assistant professor.

Trans-Baikal University.

Alexandro-Zavodskaya str., 30, Chita, Russia, 672039.

E-mail: rebecca_zab@mail.ru